

УДК 321.01

М. В. Берендеев, А. Ю. Дюшкова**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ:
БОСНИЙСКИЙ СИНДРОМ**

Рассматривается специфика национальной идентификации на территории современной Боснии и Герцеговины. Лимитрофный этноцентризм, господствующий в регионах бывшей Югославии, способствует повышенной конфликтности. Делается предположение, что все политические проблемы Боснии и Герцеговины связаны с отсутствием общей идентичности, а создание сильной гражданской идентичности приведет к более благоприятным демократическим результатам.

This article analyses the features of national identity in modern Bosnia and Herzegovina. The limitrophe ethnocentrism dominant in the regions of former Yugoslavia contributes to increased tension. It is assumed that all political problems of Bosnia and Herzegovina relate to the lack of a common identity, whereas the creation of a strong civic identity will yield more favorable democratic results.

Ключевые слова: региональная идентичность, Балканы, этнополитика, югославские народы, национальная принадлежность, боснийский конфликт.

Key words: regional identity, Balkans, ethnic policy, Yugoslav peoples, national origin, Bosnian conflict.

Регион бывшей Югославии — один из самых сложных этнополитических конструкторов в современной Юго-Восточной Европе. Конфессиональная, этническая, политическая разница во взглядах на проектирование своего будущего во все более глобальной Европе оставляет за этим регионом статус проблемного. Господство моноэтнических и националистических тенденций в политике, а также фетишизация народами, населяющими эту территорию, своего историко-культурного прошлого порождают полярные идентичности, используемые как инструменты в политическом процессе, что привело к низкому уровню социальной безопасности, политической неопределенности и конфликтности государств-акторов в регионе. Обреченные на вечную периферийность, балканские народы вынуждены искать свою идентичность в тех центрах, которые исторически враждебны друг другу.

Югославские народы, несмотря на некую историко-культурную общность, на протяжении веков жили раздельно. Рождались идеи — комплексы этнокультурных признаков, на основе которых шло формирование общностей, осознававших себя национальными. Следует также не забывать о процессе «балканизации», характеризующем «процессы суверенизации этнически и культурно неоднородного политического пространства Юго-Восточной Европы» [1, с. 69].

Как отмечает С. Бьянчини, «балканская специфичность не заключается ни в “принудительном сосуществовании”, ни в “несовместимости культур”, как пытается убедить нас поверхностная политическая мифология нашего времени. Напротив, она состоит в чувстве одновременной сопринадлежности, испытываемом каждым индивидуумом и каждой группой региона по отношению к двум различным большим макросообществам» [2]. Первое из этих макросообществ совпадает с этнической принадлежностью. Оно образовано общностью языка, религии и культуры, определяющей основные черты и особенности каждой группы. Второе имеет наднациональные черты и поэтому может пересекать несколько этнонациональных общин. «Принадлежность к этому второму макросообществу определяется религиозными убеждениями (православных, католиков, мусульман), происхождением из широких культурных ареалов (славянских, латинских, эллинских), общей традицией или, скорее, общей бытовой “основой”, на что неоднократно обращали внимание балканские ученые и политики XIX и XX веков» [2].

Парадокс региональной ситуации заключался в том, что три ключевые группы балканского конфликта — сербы, хорваты и бошняки — были, по сути, частями одного этноса (югославянского), говорили на одном языке (сербскохорватском) с легкими различиями в региональных диалектах и столетиями жили не просто на соседних территориях, а были очень сильно смешаны друг с другом. В момент кризиса в СФРЮ, приведшего к распаду, именно возрождение конфессиональной идентичности (православный, католик, мусульманин) стало главным фактором этнического разделения и этнической идентификации [3].

С распадом СССР, Югославии и Чехословакии начался процесс очередного изменения границ историко-географических регионов Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно четко это видно на примере распавшейся Югославии. Если раньше она в целом принадлежала к Юго-Восточной Европе (Балканам), в историко-географическом — к Восточной Европе, то ныне образовавшиеся на ее территории национальные государства обладают разной региональной идентичностью. Как отмечает С. А. Романенко, хорваты относят себя к Центральной Европе и к западным славянам, видя в этом залог принадлежности к экономически развитым и демократическим государствам, к «Европе» и в последнее время относительно широкое распространение получила концепция неславянского происхождения своего народа [4, с. 74]. Сербь и черногорцы отнюдь не отказываются от принадлежности к Юго-Восточной Европе (Балканам) и южному славянству. При этом они подчеркивают, что всегда были и остаются частью «Европы», имея в виду (как хорваты и словенцы) Западную Европу.

Это подтверждает и исследование «Balkan monitor», проведенное компанией «Gallup» в 2009 г. (табл. 1) [5].

Таблица 1

Результаты опроса жителей республик бывшей Югославии, %

Страна	Категорически нет	Немного	Умеренно	Очень сильно	Абсолютно	Затрудняюсь с ответом	Отказались отвечать
	<i>Насколько сильно вы идентифицируете себя с Балканами?</i>						
Хорватия	49,8	24,1	10,4	7,1	1,9	6	0,7
Сербия	16,1	26,4	30,1	17,3	7,8	1,5	0,8
Босния и Герцеговина	17,7	27,7	27,6	18,8	7,8	2,7	0,7
	<i>Насколько сильно вы идентифицируете себя со своей страной?</i>						
Хорватия	3,6	10,8	23,1	28,6	30,1	3,1	0,7
Сербия	5,2	7,9	22,6	28,2	34	1,2	0,9
Босния и Герцеговина	9,4	19	30,9	18,2	19,3	2,3	0,6
	<i>Насколько сильно вы идентифицируете себя со своей национальностью?</i>						
Хорватия	3,1	10,8	19,3	28,7	34	3,5	0,7
Сербия	3,4	6,8	17,7	26	44,1	1,2	0,8
Босния и Герцеговина	10,8	5,9	21,6	32,1	35	2,1	0,6
	<i>Насколько сильно вы идентифицируете себя со своей религией?</i>						
Хорватия	9,2	15,6	20,1	22,5	27,9	4,2	0,7
Сербия	6,1	9,3	18,4	23,8	39,3	1,9	1,1
Босния и Герцеговина	3,2	6,5	17	26,4	43,9	2,3	0,6

Практически половина хорватов категорически не идентифицирует себя с Балканами и чуть более 24 % — лишь немного. Современная тенденция — это тяготение хорватов к Центральной Европе и отождествление себя больше с западными славянами, чем с южными. Сербь и боснийцы (боснийские хорваты, боснийские сербы и бошняки в совокупности) достаточно сильно идентифицируют себя с Балканами — более 70 % (от умеренного до абсолютного отождествления). Сравнивая результаты исследования GBM в 2008 и 2010 гг., можно сказать, что за этот период показатели остались неизменными: по-прежнему боснийцы гораздо сильнее, нежели соседние Хорватия и Сербия, идентифицируют себя с Балканами.

Наивысший показатель идентификации с собственной страной у сербов — около 85 %, меньше у хорватов — чуть более 80 %. Доля боснийцев значительна меньше, нежели хорватов и сербов, — около 68 %, что вполне поддается объяснению, так как Босния и Герцеговина продолжает оставаться децентрализованной и ее энтитеты — Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербия — выполняют этнодифференцирующую роль по отношению к трем государствообразующим этносам — боснийским сербам, боснийским хорватам, бошнякам. Именно по этой причине высок процент идентифицирующих себя со своей национальностью (точнее, с этносом) и религией среди боснийцев. «Нынешние балканские государства, — подчеркивает У. Хаген, — не имеют ничего общего с западными либеральными традициями, придающими столь важное значение индивидуализму и всемерной защите оппозиционно настроенных граждан и национальных меньшинств» [10, р. 54]. Балканские государства, испытывавшие на себе многовековой гнет Османской империи, отчаянно стремились восстановить национальную идентичность.

Общепризнанно, что религия является одним из основных аспектов идентичности на Балканах. Хотя религия — не только основа идентичности, она была использована совместно с национализмом и этничностью как маркер идентичности и способ дифференцирования социальных групп. Значение религии в формировании идентичности связано с тем, что она служит способом хранения и обмена культурной истории и традиций. Как отмечает З. Изакович, «церкви в бывшей Югославии строго оберегали идентичность наций, к которым принадлежали, и твердо отстаивали старые стереотипы, предубеждения, предубеждения, а также нетерпимость по отношению к нациям, исповедующим другую религию» [8, с. 77].

Особая ситуация Боснии выражена в том, что на протяжении веков три основные религии существовали бок о бок. В конечном счете православие, католичество и ислам стали отождествлять с определенными национальными группами в Югославии.

На Балканах, особенно в Боснии и Герцеговине, национальная принадлежность была аморфным понятием вплоть до второй половины XIX в. Социалистическое правительство твердило гражданам о том, что они «югославы». Они ожидали, что «национальная идентичность» (этническая), основанная на родстве, будет постепенно исчезать.

Новая югославская идентичность была гражданской категорией, базирующейся не на автохтонной принадлежности или принадлежности к этнической группе, а на гибкой гибридной идентичности, соответствующей идеологическим целям социалистического государства.

Многие исследователи говорят о травмированности исторической памяти югославянских народов. Большая часть таких болезненных воспоминаний, берущих начало в семейных традициях или политической пропаганде, имеют солидную историческую почву.

Будучи одной из республик Югославии без очевидного этнического большинства, Босния и Герцеговина никогда не обладала характеристиками национального государства, в отличие от других республик федерации. Босния никогда не рассматривалась как родина какой-либо югославской нации: она представляла собой конгломерат различных национальностей, была зеркальным отображением федерации — «маленькая Югославия».

Балканский субстрат (античный эллинский и римский, культурное влияние австрийцев, венгров, турок) во многом предопределил развитие южных славян в последующее эпохи, сказавшись на языке, отдельных особенностях этнической культуры, а также на антропологическом облике балканских народов. Православная церковь стала организацией национальных (государственных или этнических) церквей, что привело в сознании сербов к отождествлению этноса и конфессии. Сербское мироощущение отличается глубоким восприятием православных традиций, восточнохристианским менталитетом со свойственной ему освященностью действий и объектов. На протяжении веков хорватская территория входила в состав разных государств и пережила несколько исторических периодов, отразившихся на ее этническом развитии. Однако для хорватов (в отличие от сербов) Австрийская империя и средиземноморские государства, на территории которых они проживали в Средние века, не были иноконфессиональными государствами. Также хорватам были свойственны представления об их *автохтонности* на Балканах. Несущей конструкцией в хорватской национальной идее стал европеизм («европейский соблазн»). Веками Босния и Герцеговина находилась на стыке очень разных по всем параметрам цивилизаций — восточной, византийской, османо-мусульманской и западной. «Балканское пространство в целом находится на пересечении двух великих *митрофных* зон: между западным и восточным христианством и между христианством и исламом. Гетерогенность балканского культурно-географического пространства служит причиной неоднозначности балканской идентичности» [7].

Историю послевоенной Боснии и Герцеговины можно рассматривать как хронику непрекращающейся борьбы государственных символов. Символика Федерации Боснии и Герцеговины дискриминирует сербских граждан, потому что содержит только бошнякские и хорватские геральдические элементы (за исключением звезд ЕС), а Республика Сербия, в свою очередь, дискриминирует бошняков и хорватов, так как ее символы исключительно сербские. Федеральная символика Боснии и Герцеговины никогда не пользовалась общественным одобрением или

любовью — ни среди граждан в целом, ни среди отдельных народов. Напротив, спор о ней идет до сих пор: многие бошняки продолжают рассматривать хорватскую шахматницу как политически опасную, а гимн «Наша прекрасная родина» — как гимн соседней Хорватии. Они видят в этих символах не элементы национальной идентичности боснийских хорватов, а сепаратистские или экспансионистские устремления. Хорваты трактуют бошнякский выбор лилии в качестве государственного символа как узурпацию истории и государственной традиции. Строго говоря, эти символы стали бошнякскими потому, что другим они не были нужны. Необходимо добавить, что лилия в военное время приобрела мощную эмоциональную силу коллективной идентификации [9].

В период первой Югославии и позднее в составе Независимого государства Хорватия у Боснии и Герцеговины отсутствовала национальная символика, так как ее политическая идентичность была полностью уничтожена. В социалистической Югославии Босния стала республикой, но неоднозначное содержание ее статуса также нашло отражение и в геральдике: эмблема целиком была выдержана в советской традиции и не учитывала бошнякские традиции. Как и среди других нерешенных вопросов формирования Боснии, здесь мы видим конфликт между двумя принципами: право каждого народа на свою традиционную символику и право не подвергаться дискриминации по этническому признаку.

Из данных исследования GBM ясно, что отношения между боснийскими хорватами, боснийскими сербами и бошняками улучшаются по всем направлениям. Так, одна из положительных тенденций заключается в том, что, несмотря на существующие национальные разногласия, опасения по поводу перспективы вооруженного конфликта значительно уменьшились за последние пять лет: в мирное будущее «верят в среднем 82 % боснийцев» [5]. Результаты анализа GBM также демонстрируют растущий уровень взаимного доверия представителей различных религиозных групп. Это немаловажные факты, свидетельствующие о том, что сегодня государствообразующие этносы Боснии выходят на новый уровень взаимоотношений, основанный на принципах мирного сосуществования и доверия, однако пока в рамках так называемого общежития, а не полноценного государства. Среди представителей этих этносов распространены антагонистические взгляды по ряду важных общегосударственных вопросов, что делает современное боснийское общество поляризованным, но больше не желающим внутренней войны.

Например, по такому важному внешнеполитическому вопросу, как вступление Боснии и Герцеговины в НАТО, мнение граждан разделилось следующим образом: 90 % жителей Федерации Боснии и Герцеговины за вступление страны в НАТО (характерно, что данное решение полностью поддерживают 73 % бошняков и только 47 % боснийских хорватов, которые занимают более осторожную позицию — 32 % скорее поддерживают, чем нет), а в Республике Сербия — лишь 33 % жителей [5].

По поводу такого важного вопроса, как присутствие Офиса высокого представителя (ОВП) в Боснии и Герцеговине, взгляды между гражданами двух энтитетов остаются полярными: 84 % жителей Федера-

ции Боснии и Герцеговины поддерживают присутствие ОВП, и только 22 % жителей Республики Сербии согласны с этой необходимостью.

Среди граждан современной Боснии сильны пессимистические настроения — 77 % населения считают, что страна идет в неправильном направлении [5]. Эти негативные взгляды можно объяснить недовольством граждан политическим классом страны: 60 % респондентов оценивают эффективность правительства как низкую. Но в вопросе о будущей структуре государства боснийские хорваты, боснийские сербы и бошняки не имеют общих точек соприкосновения. По результатам опроса, проведенного GBM, 78 % бошняков полагают, что элиты как уровень правительства должны быть устранены, тем самым подчеркивая свое устремление к большей централизации и унитаризации государства. Боснийские сербы также подтверждают свое стремление к сохранению и незыблемости Дейтонского соглашения — 46 % говорят, что управление государством должно оставаться неизменным.

Религия в боснийском обществе — часть личностной культурной идентичности вне зависимости, верующий ли человек или нет. Это верно как для мусульман, так и для католиков и православных. «Существующий в современной Боснии тип религии — это унаследованная религиозность, передаваемая из поколения в поколение (известная как традиционная или националистическая религиозность)» [6, р. 77]. Религиозная идентичность также является социальной и культурной, а в боснийском контексте обладает и этническим аспектом, так как человек обычно «наследует» религиозную идентичность от своих родителей. И хотя за десятилетия коммунистического правления в Боснии и Герцеговине общество становилось все более светским, религия продолжала быть одним из значимых компонентов национальной идентичности.

Важно подчеркнуть связь, существующую между национальной идентичностью и религиозной принадлежностью. К примеру, в 1988 г. более чем 88 % хорватов, 82 % мусульман и 76 % сербов, проживающих в Боснии, определили свою религиозную принадлежность соответственно как католицизм, ислам, православие. «Однако в ходе того же исследования только 55,7 % хорватов, 37,3 % мусульман и 18,6 % сербов заявили, что они действительно на практике религиозны» [6, р. 78]. Это значит, что большой процент населения идентифицирует себя со своей национальной религией, даже если на деле не придерживается определенных ее догматов своей веры. К тому же, более половины опрошенных в 1988 г. (представители трех этносов) верили в то, что религия может стать суррогатом национальной идентичности.

Так как в ходе военных конфликтов на территории Боснии в 1990-е гг. люди подвергались нападению из-за принадлежности к определенной этнической или религиозной группе, это подталкивало их к созданию более тесных связей между религиозной и национальной идентичностью. Очевидный рост религиозности в этот период, вероятно, стал результатом сложного взаимодействия ряда факторов: недавняя война, в которую были вовлечены различные национальные группы, нерешенные проблемы с переселением военных беженцев, активная политиче-

ская роль религиозных лидеров периода войны и послевоенного времени, сложности посткоммунистического перехода от центрального планирования к рыночной экономике

В настоящее время, отвечая на вопрос, является ли религия важной частью вашей жизни, около 60 % боснийцев ответили «да» [5]. По результатам исследования GBM в 2008 и 2009 гг. [5] граждане Боснии и Герцеговины больше всего доверяют церкви и религиозным организациям, и этот институт в рейтинге доверия стоит на первом месте у представителей трех этносов. Однако исследователи ставят под сомнение истинную природу религиозности в Боснии: в настоящее время многие публично говорят о своей вере, так как в нынешней политической и социальной обстановке в Боснии и Герцеговине выгодно быть религиозным.

В период межэтнического конфликта такое понятие, как боснийская идентичность, на двух третях страны просто исчезло. Но идея всеобщей боснийской идентичности, способной преодолеть этнические расколы, никогда не переставала существовать. Она вынашивалась ненационалистической оппозицией и была пронесена сквозь войну к поствоенному Дейтонскому периоду Социал-демократической партией (СДП) и ее политическими союзниками, наследниками коммунистов. Их видение боснийского государства, направленное на преодоление этнических и религиозных разногласий, бушевавших во время конфликта и принижавших роль этнической идентичности, способствовало политике секуляризации, которая была свободна от особых религиозных чувств и широко использовалась другими политическими акторами.

«Боснийская идея», которую пытались продвигать социал-демократы, была основана на понятии гражданской боснийской идентичности, призванной преодолеть существующие этнические разногласия. Хотя она названа гражданской из-за оппозиции к разрушительному и полному конфликтов этнонационализму, ее характер, основанный на гражданственности, представляется спорным, поскольку зависит от политической элиты (большинство из которых были членами бывшей коммунистической партии) и предписывает неактивное участие или вообще неучастие граждан в общественных делах посредством регулярных выборов.

Проблема гражданской и этнической среды боснийской политики публично обсуждается и уже воплотилась в ряде символических высказываний («Дейтон к Брюсселю»); метафора объединения на пути к конечной цели — европейской интеграции. Вторая проблема, связанная с приоритетностью гражданского национализма в отличие от национализма этнического, основана на идее, что окончательным средством решения боснийской проблемы является переосмысление идентичности. Вероятно, все политические проблемы Боснии и Герцеговины обусловлены отсутствием общей идентичности, а создание сильной гражданской идентичности, несомненно, приведет к более благоприятным демократическим результатам.

Итоги исследования GBM, опубликованные в 2010 г. (табл. 2) [5], показали, что представители основных этносов весьма отличаются друг от друга и по идентификационным показателям.

Таблица 2

Идентификационные показатели

Идентификационный показатель / регион	Значение показателя, % (абсолютно + очень сильно)		
	Бошняки	Хорваты	Сербы
Национальность	50	48	68
Религия	47	51	63
Родной город	51	42	63
Федерация Боснии и Герцеговины	46	10	—
Республика Сербия	—	—	62
Босния и Герцеговина	44	11	13
Балканы	26	8	22
Европа	26	9	16

Заметно, что наибольшая совокупность опрошенных бошняков «абсолютно» и «очень сильно» идентифицируют себя с родным городом, хорватские респонденты — с религией, а сербские — с национальностью (этносом в данном случае). Среди бошняков сильны связи с этносом, религией и собственным энтитетом (Федерацией Боснии и Герцеговины) и несколько слабее с государством; среди боснийских хорватов — с этносом и родным городом; а среди боснийских сербов — с религией, родным городом и собственным энтитетом (Республикой Сербии).

Бошняки отличаются сильными «территориальными» показателями идентификации — государство, собственный энтитет, родной город. Возможно, здесь идет речь об их желании выдвинуть справедливые претензии на «территориальность» — закрепиться в рамках материальной, а не аморфной категории и обозначить себя как существующий этнос на существующей территории вопреки еще расхожим среди боснийских хорватов и сербов представлениям об искусственности бошнякского этноса.

Делать категоричный вывод, что боснийские хорваты кардинально отличаются от своих «этнических братьев» из Хорватии, было бы некорректным: необходимо учитывать специфику данного опроса, где респондентам нужно было выбрать ту категорию идентичности, которая бы в личном осмыслении соответствовала степени «абсолютно» и «очень сильно». Скорее, здесь речь идет об умеренной евронаправленности боснийских хорватов.

Среди боснийских сербов так же, как и среди боснийских хорватов, низкий процент идентифицирующих себя с государством; если первые отождествляют себя с Республикой Сербии, то вторые — с родным городом, в рамках которого, не имея собственного энтитета, могут чувствовать себя «как дома». По результатам этого социологического исследования, боснийские сербы имеют более аккумулированные идентификационные показатели по сравнению с другими основными этносами: от 60 до 70 % респондентов отождествляют себя с той или иной категорией. Анализируя эти результаты и используя другие заключения нашего исследования мы можем говорить об обособленности боснийских сербов, их желании «законсервировать» существующий статус.

Стоит заметить, что в Боснии и Герцеговине выражен наибольший уровень недоверия к политическим институтам среди балканских государств: политические партии, президент, правительство находятся в самом низу рейтинга доверия. Респонденты ответили (50%), что абсолютно не доверяют политическим партиям: боснийские хорваты более всех настроены скептически по отношению к ним — лишь 6% опрошенных выразили свое доверие (тот же показатель у бошняков и боснийских сербов значительно выше — в среднем 24%) [5]. Очевидно и недовольство граждан политическим классом: около 70% респондентов оценивают эффективность правительства как низкую и это также самый высокий показатель среди балканских государств.

Историческое наследие играет важную роль, объясняя содержание современной политической действительности. Однако вопрос, почему Босния и Герцеговина так часто рассматривается сквозь призму взаимоисключающих категорий (целостность — фрагментарность, интеграция — дезинтеграция, гражданский — этнический и др.), остается открытым.

Современная Босния и Герцеговина представляет уникальный случай, более всего подпадая под понятие «государство-фантом» — государство, обладающее территорией, границами, признанными соседями, политическим статусом, наличием формальных атрибутов государства, гражданством, денежной единицей, наконец, Конституцией. Однако реальной государственности, которая выражается в провозглашении и осуществлении суверенитета, проживающего на этой территории населения, такое новообразование не имеет. Перед Боснией и Герцеговиной стоит нелегкий выбор — сохранение существующей громоздкой и неэффективной структуры псевдоконфедерации, превращение ее в (кон)федерацию трех субъектов или превращение Боснии и Герцеговины в унитарное государство, постепенный отказ от внешнего управления.

Список литературы

1. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. Балканский передел как зеркало глобализации // *Обозреватель — Observer*. 2008. №5.
2. Бьянчини С. Похожие и разные: балканская специфичность. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/bia8.html> (дата обращения: 01.09.2013).
3. Несколько слов об этноконфессиональности. URL: <http://www.soob.ru/n/2003/3/concept/4> (дата обращения: 05.05.2010).
4. Романенко С. А. Типология процессов национального самоопределения // *Общественные науки и современность*. 1999. №2.
5. Gallup Balkan Monitor. URL: <http://www.balkan-monitor.eu/> (дата обращения: 12.08.2013).
6. Hasic-Vlahovic A. (De)Secularization in Bosnia-Herzegovina: an examination of religiosity trends in a multi-ethnic society // *Amsterdam Social Science*. 2008. №1(1).
7. Тодоров Михайлов В. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности. URL: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/46> (дата обращения: 12.08.2013).
8. Изакович З. Политические и этнорелигиозные аспекты югославского кризиса // *Социологические исследования*. 1996. №5.

9. *Lovrenovic I.* Bosnia and its symbols. URL: http://www.bosnia.org.uk/bosrep/report_format.cfm?articleid=3167&reportid=173 (дата обращения: 15.09.2013).

10. *Haagen W.W.* The Balkan's lethal nationalism // Foreign affairs. 1999. №4.

Об авторах

Михаил Владимирович Берендеев — канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru

Алена Юрьевна Дюшкова — соиск., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: impscorp07@mail.ru

About the authors

Dr Mikhail Berendeev, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru

Alyona Dyushkova, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: impscorp07@mail.ru